

Рис. П. Ольденбурга

ЧУДНОЕ МГНОВЕННЫЕ ДЛИННОЮ В ВЕЧНОСТЬ

В этом году
исполнилось
225 лет
со дня
рождения
Александра
Сергеевича
Пушкина
(1799–1837)

179

Талина
Свинцова

I

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?*

– Судьба! – восхищённо произносим мы при встрече с необыкновенно счастливыми обстоятельствами жизни.

– Не судьба! – вздыхаем мы, когда что-то рушится, не сбывается.

В жизни Пушкина присутствовали Судьба и Не-судьба в полной мере.

Рожденный в XVIII веке, Пушкин удостоился поцелуя Бога в XIX веке. Муза впервые посетила его ещё в детстве. Это была Муза из Парижа: ребёнок писал по-французски.

И ведь какая судьба! – няню ребёнка взяли ту, что надо. Она подарила ему любовь к родному языку и навеки осталась в его судьбе и в народной памяти.

«Буря мглою небо кроет...» – это про неё, Арину Родионовну.

Маленький Саша был толстеньким малышом, увальнем. Мать напрасно пыталась его расшевелить – поймать его было невозможно. Саша прятался под столом или в бельевой корзине

у бабушки, потому что «был ленив двигаться». Однако не ленив он был слушать взрослые разговоры – они были интересными. В доме собирался цвет московского литературного общества. А ещё больше он любил слушать сказки – сказки Арины Родионовны.

Но вот ему исполнилось 7 лет. Вместе с первыми стихами на французском языке пришли подвижность и стройность. А в 11 лет, когда он поступил в Царскосельский лицей – лучшее учебное заведение России – и писал стихи уже по-русски, отличался тем, что был вертляв и непоседлив.

В то же время состоялась его первая публикация в журнале «Вестник Европы» и судьбоносное первое чтение стихов самому Державину!

Одним словом, «старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...»

Восхищённые учителя и восторженные одноклассники наперебой говорят о его необыкновенно пылком нраве и ежеминутной готовности на любое озорство. Вспоминают со вздохами белой (а может быть, не белой?) зависти о его влюбчивости и любовных приключениях. Да об этом рассказывают нам и его стихи!

Вот только всеми почитаемый Энгельгардт – директор лицея, – характеризуя каждого из лицеистов очень точно, семнадцатилетнему Пушкину даёт оценку какую-то странную:

«...Его сердце холодно и пусто, чуждо любви и всякому религиозному чувству и не испытывает в нём потребности; может быть, так пусто, как никогда не бывало юношеское сердце».

Здесь кроется некая тайна. Возможно, поэт и должен быть пустым сосудом, вбирающим в себя внешние впечатления лишь затем, чтобы отразить их с блеском в своих творениях?

**Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружён...**

А мы-то ждём от поэта глубоких чувств и больших страстей в обыденной жизни! Нам кажется: насколько совершенны его стихи – настолько совершенен и он сам. И судим его самым строгим судом за малейшую приверженность к человеческим слабостям!

В 1817 году Пушкин был зачислен в Иностранную коллегию – ведомство иностранных дел – с чином коллежского секретаря, соответствующего чину капитана. Не так уж плохо для 18-летнего юноши! Но он манкирует служебными обязанностями. Ему по сердцу другое.

Он ведёт жизнь светского молодого человека – одевается как истинный денди: чёрный широкий фрак с нескошенными фалдами на американский манер, шляпа с прямыми полями а-ля Боливар. Иногда отращивает длинные кудри.

Его талант уже столь выделяется в окружающей его интеллектуальной среде, что некий умный литератор на предложение принять молодого Пушкина в литературное общество отвечает:

– Овцы стадаются, а лев ходит один.

...Пушкин – наша национальная гордость. Какая поэтическая судьба! Солнцем русской поэзии назвал его Жуковский. «Это наше всё» – вторил ему Аполлон Григорьев.

И правда – всё! Вплоть до того, что у нас по самому бытовому поводу любой может подпустить «иронии»:

– А дверь кто за тобой будет закрывать – Пушкин?

Пушкин стал для нас самым великим из всех поэтов и писателей всех времён и народов.

Ни об одном из поэтов мы не знаем столько, сколько о Пушкине!

Нам известно, что он правнук арапа Петра Великого, которого так лихо сыграл в кино обожаемый народом бард Высоцкий.

Хотя в тени народной любви и народных легенд остаются споры и пуш-

кинистов, и дотошных журналистов о происхождении Ганнибала.

Мы знаем, конечно, что в жилах Пушкина течёт 1/8 эфиопской крови, но закрываем глаза на этот факт, когда заявляем, что он русский гений. Однако не только мы считаем его своим гением – в Эфиопии называют его великим эфиопским поэтом и возлагают цветы к его памятникам. Там на уроках литературы читают наизусть Пушкина и не в переводах – а на русском, в знак особой признательности. Теперь к Эфиопии, кажется, примыкает и Кения, считающая себя прародиной русского гения.

Однако некоторые учёные – в том числе профессор Карлова университета в Праге Вацлав Гунячек – считают Абрама Петровича (так именовали крестника Петра I и прадеда поэта) принадлежащим к племени эфиопов-фалашей.

Полюбуйтесь, как поэтично изложил эту версию Александр Городницкий:

**Мне будет сниться до утра
Земли коричневое лоно,
Арап Великого Петра –
Фалаш из рода Соломона,
И петербургская пурга
Среди окрестностей дубравных,
Где в ожидании врага
Стоял его курчавый правнук.
Мне будет сниться странный фильм:
Пустыня сумрачного вида
И шестикрылый серафим,
Слетевший со щита Давида.**

Но кем бы ни был Ганнибал, первым браком женатый на гречанке Евдокии Андреевне Диопер, второй, решающий брак, был на Христине Регине Шеберг – она и родила ему детей. В том числе деда Пушкина – Осипа Абрамовича. А вот о ней-то, прабабушке, нам ничего и не известно! То ли немка, то ли шведка... Некоторые исследователи утверждают, что её мать была испанкой.

Итак, Ганнибал, предок нашего гения, был (или всего лишь ссылался на это) княжеского происхождения и знаменит – генерал-аншеф, герой, любимец царя, начинавший свою карьеру в

10 лет барабанщиком Преображенского полка, а потом окончивший офицерскую школу во Франции. В промежутках между воинскими успехами занимался и дипломатией, и картошку выращивал презнатную по поручению царя Петра. Да и Суворов своей военной карьерой обязан был Ганнибалу.

А вот другой предок Пушкина – Фёдор Пушкин – погиб от рук того же царя. Отсюда такая поэтическая сила в беспощадном пушкинском взгляде на царя-благодетеля и царя-тирана. Вспомните «Полтаву» и «Медного всадника». В дополнение, не мешает почитать «Историю Петра Первого» – неоконченный труд Пушкина. Слова поэта: «Пётр хвастал своею жестокостью», «Пётр объявил ещё один из тиранских указов», «все состояния были равны пред его дубинкой»... Недаром этот труд был запрещён Николаем Первым.

Но, кроме всемирной славы, за Пушкиным тянется шлейф всевозможных легенд, преданий, кривотолков, анекдотов, историй, далёких от реальности. Пушкин и его судьба давно уже стали героями литературы. Он и Иван-дурак, он и Иван-царевич, и богатырь земли русской, и Дон Жуан...

Одним из распространённых мифов о Пушкине является миф о его африканской чернявости. А как же иначе – правнук арапа Ганнибала! Однако кучерявый Пушкин был светловолос и голубоглаз. А в детстве он был вообще белокурым, как и его брат Лёвушка. Сергей Есенин так писал о поэте:

**Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший, как туман,
О, Александр, ты был повеса,
Как я сегодня – хулиган!**

Картины, изображающие поэта, явно подчёркивали его африканское происхождение – может, потому-то нам и кажется, что Пушкин черняв.

Думаю, велико было бы изумление зрителей, если бы они увидели предполагаемый фильм Марлена Хуциева о двадцатилетнем Пушкине в исполне-

нии двадцатилетнего же белокурого и низкорослого Дмитрия Харатьяна, которого круто завили и почти без грима пустили в это киноплавание вследствие его природного сходства с поэтом.

Тогда кто-то из вышестоящих начальников, от которых зависела судьба любого советского фильма, с презрением фыркнул:

– Не может армянин играть роль нашего русского гения!

Как хочется крикнуть вслед этому чванливому чинуше:

– А эфиоп может играть судьбу нашего русского гения?!

Так или иначе, Харатьяну играть запретили, и Хуциев отказался от фильма. Не судьба!

II

Водились Пушкины с царями...

Итак, совсем молодой Пушкин, писавший эпиграммы на сильных мира сего и вольнолюбивые стихи, попал в немилость.

Его вызвали к военному генерал-губернатору Петербурга Милорадовичу. Тот приказывает полицмейстеру ехать на квартиру поэта и опечатать все бумаги. Пушкин говорит ему:

– Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдёте того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги – я здесь же всё вам напишу.

Милорадович торжественно воскликнул:

– Ах! Это по-рыцарски!

И пожал ему руку.

Пушкин написал все свои нелегальные стихи.

После этого участь его решена – ему грозит ссылка в Сибирь. Если бы не заступничество Карамзина, Жуковского, Фёдора Глинки, плохо бы пришлось Александру.

И вот Сибирь заменена югом – судьба! – а это уже почти командировка с выдачей тысячи рублей прогонных.

К морю, к солнцу, к фруктам. Не нужно забывать, что поэт был чиновником, стихи враждовали как с его службой, так и с его статусом.

В мае 1820 года он отбыл в Екатеринослав – нынешний Днепропетровск. Во время южной ссылки он одно время жил в квартире, окна которой были забраны решёткой. Вот откуда:

**Сижу за решёткой в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе
орёл молодой...**

В конце концов, не такая уж эта ссылка и жестокая мера по отношению к автору строк, прозвучавших через сто лет – в 1917 году – с новой экспрессией:

**Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.**

И это по отношению к Александру I, который и разгромил наполеоновскую армию, и запретил Мальтийский орден в 1810 году, и начал решительную борьбу со всеми тайными обществами в 1822 году. Разве не провёл Александр Пушкин свои лучшие юные годы на полном государственном иждивении в лицее, под личным попечительством царя, разве не получил из его рук лучшее европейское образование? Разве не заменило государство Пушкину родителей, у которых не было ни средств, ни особого желания возиться с воспитанием своего сына? Почему так непримиримо враждебен Пушкин к своему порфирородному тёзке? Реакционность самодержца, усилившаяся со времён Отечественной войны, «аракчеевщина»? Но ведь даже державным инициатором освобождения крестьян – правда, недостаточно последовательным – был сам Александр I, а программу освобождения писал именно Аракчеев!

Нет ответов на эти вопросы. Только смутные догадки тревожат наше воображение. Не будем настаивать на их беспорности.

Что ж, молодости присущ радикализм. В резкой максималистской фразе «я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног...» можно увидеть и поэёрство, и дендизм. Возможно, поэт хотел сказать «государство»? Хотя чем же оно ему не угодило?

Но... не будем забывать, что «поэт в России – больше, чем поэт». Следовательно, не столько думает о себе, сколько мыслит глобально.

И всё же юности свойственно, не мудрствуя лукаво, рваться к жизни, полной приключений.

Как-то в Молдавии Пушкин был влюблён сразу в двух красавиц – в юную цыганку Стешу и молдаванскую аристократку Людмилу. Делил между ними день и вечер.

Но цыганке стало известно лукавство возлюбленного, и она накинулась на соперницу с кулаками при их свидании, и лишь его оплеуха убила ревнивицу. В результате обе красавицы покинули поэта.

Цыгане, которые с симпатией отнеслись к расточительному барину, снялись табором, да и уехали. Пушкин грустил, и сами собою рождались волнующие строки:

**Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют...**

Одним из формальных предлогов для второй ссылки – северной – послужило письмо, в котором Пушкин сообщает, что «берёт уроки чистого атеизма» у некоего англичанина. Из-за этой ссылки Пушкин не попал на Сенатскую площадь – не было бы счастья, да несчастье помогло!

Но, видимо, эти «уроки атеизма» не прошли для поэта даром, если появляется позднейшая «Гавриилиада» да ещё чего немало.

Ссылка к себе, в имение Михайловское. Под надзор отца – отсюда берёт начало ссора с отцом и полное охлаждение Пушкина к родителям. Только перед смертью матери поэт почувство-

вал тепло её участия. Но недолго ему суждено было согреть поэта.

Из южной ссылки Пушкин привёз множество новых стихов и мистический перстень – талисман любви, подаренный Елизаветой Воронцовой – женой графа Воронцова, того самого, кого Пушкин припечатал своей эпиграммой:

**Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец.**

С юношеским задором припечатал красавца-генерала и совершенно, надо сказать, безответственно: М. С. Воронцов был ранен при Бородине, брал Париж, награждён «Георгием». Кроме того, получив образование в Англии, он был лучшим представителем интеллектуальной элиты. И, главное, проявлял благородство – просил царя не судить слишком строго молодого поэта за эпиграммы. Что ж, поэт играет не только с судьбой, но и со словами. «Ради красного словца...»

Молва гласит, что темноволосая дочь Софья, которую родила графиня вскоре после отъезда Пушкина, – его дочь. Якобы об этом она объявляет поэту в своём письме, которое тот по её требованию сжёг. Но, увы, ни доказательств, ни сколько-нибудь серьёзных подтверждений этому нет.

Впрочем, и ссылка в Михайловское оборачивалась творческой командировкой. Пушкин сам заметил в письме:

«Я нахожусь в наилучшем положении, чтобы окончить мой поэтический роман» («Евгений Онегин»).

А барышни из соседнего имения Тригорское были убеждены, что обе главные героини «Онегина» списаны с них.

Вообще деревенская жизнь, хоть и была скучновата для кипучей натуры поэта, таила в себе немало простых радостей. Среди них оказалась и его крепостная любовь Ольга Калашникова, которую потом отправили в нижегородское имение Пушкиных

Болдино. Там она родила мальчика Павла, вскоре умершего. Пушкин дал Ольге и её родителям вольную, а затем выдал замуж – за дворянина, между прочим.

Пушкин и в деревне одевался щепетильно, как светский человек, а иногда чудил. Красная рубашка подвязана кушаком, штаны широкие, белая шляпа на голове, волос не стриг, ногти отращивал (а пуще на мизинце – масонский знак тайный!), бороды не брил. Таким вот франтом Пушкин являлся на ярмарках – по крайней мере, его кучер так утверждал.

Здесь-то, в ссылке, и встречает поэт некогда любимую Анну Керн. Здесь дарит ей знаменитое «Я помню чудное мгновенье...».

...Немало романтических встреч скрыто за страстными и возвышенными строками любовных признаний.

В семидесятые годы XX века на Западе выходит книга, интригующе озаглавленная «Сто женщин, которых знал Пушкин».

В ответ на это шокирующее название в СССР издают книгу «Адресаты стихов Пушкина», где многие его бесмертные строки сопровождаются и портретами прототипов, и их биографией, зачастую заканчивающейся безрадостными строчками: «Перед смертью она уничтожила письма поэта».

Но вернемся в деревню. Пушкин, исполнив свой ежедневный ритуал – купание в ванне со льдом, отправлялся на дальние прогулки с изящной тросточкой в руке. Их у него была целая коллекция. Тросточка только на вид была легкой – в своем вычурном набалдашнике она несла изрядную порцию свинца. Пушкин любил жонглировать ею и вертеть в крепкой писательской руке – тренировал руку для пистолета. Он вообще был крепок телом, болел редко.

Авантюренность, бесстрашие, игра со смертью, вечное тяготение к опасности – сопровождали его в течение всей жизни.

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю!

В 1824 году от бездны мрачной его уберегла Судьба (а может, царь?). В Михайловской ссылке он оказался накануне одного из самых трагических событий русской истории – восстания на Сенатской площади.

Царь Николай I, ввергнув страну в оцепенение после беспощадной расправы с разоткровенничавшимися с ним декабристами, как и каждый смертный, был полон противоречий.

Ещё во младенчестве он удивлял всех своей силой, в юности – музыкальным слухом: пару раз прослушав большой музыкальный фрагмент, играл его безошибочно. В молодости Николай получил отменное образование, которое продолжил в Англии. Этот русский император с увлечением изучал древние языки и прекрасно знал строительное дело. Николай умел дирижировать оркестром, писать музыку. Как архитектор он разрабатывал фрагменты Исаакиевского собора. Но традиционные представления о государственной власти для него были незыблемы. И его первым государственным испытанием стало дело о декабристах.

В мае 1825 года Пушкин подаёт прошение на имя нового императора об освобождении из ссылки. (Не нужно забывать, что первый сборник Пушкина был издан в это время – через две недели после восстания. Издан за государственный счёт и немалым тиражом – более 1000 экземпляров.) Николай I наложил резолюцию на прошение: привезти Пушкина в Москву «под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта».

С дороги Пушкина привезли прямо в Кремль и всего в пыли ввели в кабинет императора, который сказал:

– А, здравствуй, Пушкин, доволен ли ты, что возвращён?

Потом после долгой беседы спросил:

– Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?

– Неизбежно, государь, все мои друзья были в заговоре. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо.

– Ты довольно шалил, – пожурил его император, – надеюсь, что теперь ты образумишься. Присылай всё, что напишешь, ко мне; отныне я буду твоим цензором.

Царя и поэта принято было противопоставлять, особенно при советской власти, пытавшейся сделать из вольнодумца революционера. Меж тем отношения Пушкина и Николая I полны противоречий и даже парадоксальны.

Конечно, дружба монарха была тяжким грузом. Вряд ли Николай питал искренние симпатии к Пушкину. Его отношение к поэту характеризует фраза «с поэтом нельзя быть милостивым», сказанная после аудиенции, где Пушкин, верный либеральным убеждениям, пытался присесть на стол. Правда, на эту ситуацию можно посмотреть и иначе. Кто бы из современных пиитов осмелился сесть на стол – не к Президенту, нет! – хотя бы к мэру? Ага! То-то и оно! А фраза царя вполне сходит за показательную-строгую.

Литература позволяла Пушкину чувствовать себя свободным в средствах. Он стал первым профессиональным литератором в стране. Доходы его были столь велики, что поэт мог жить одним поэтическим трудом. Только «Борис Годунов» принёс ему 40 000 рублей. Всё личное имущество свирепого сатрапа Аракчеева стоило меньше.

Правила политическо-литературной игры Николай принял с самого начала и демонстративно уделял Пушкину исключительное внимание. Называл его «умнейшим человеком России». Эту фразу тут же подхватили и стали цитировать. Скорее всего, Николай понял бесспорную истину, которая вечно живёт в народе: на чьей стороне Пушкин – тот и прав. Все считают

Пушкина своим. Да, для каждого он свой.

Таким образом, «Николаевская Россия» – это не только «жандарм Европы», но и высочайший взлёт отечественной культуры.

А Пушкин с недоступной для обычных людей живостью ума, словно в подтверждение слов императора, разбрасывает мысли.

Из письма к жене: «чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом».

Из «Капитанской дочки»: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!».

Оттуда же: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов без всяких насильственных потрясений».

Из статьи: «С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве»...

И, в самом деле, умнейший – до сих пор!

Противостояние с царём, конечно же, не более, чем миф, ведущий начало из времён древних: поэт и падишах, султан, эмир...

Привилегии Пушкина велики: литературные гонорары рекордны и баснословны, пушкинские требования профессионального характера высочайшими инстанциями удовлетворяются. В секретные архивы, доступ к которым был невозможен без личной резолюции царя, Пушкин допущен. В этих архивах никто из писателей его времени не работал. Но как-то подозрительно сладко уж всё складывается... Надо огорчить.

И вот Пушкин получает придворное звание камер-юнкера, ну как не оскорбиться – ведь его дают совсем молодым аристократам! Однако не нужно забывать, что это звание получали люди перспективные, оно обеспечивало быстрый карьерный рост и соответствовало чину статского советника. Следующая ступень – генерал.

А через год Пушкин избран членом Российской академии наук.

Пушкин признан, он в моде. Художники рисуют его портреты. Благодаря наиболее удачным из них – работы Кипренского, с Музой, парящей возле поэта – о котором он писал:

**Себя, как в зеркале, я вижу.
Но это зеркало мне льстит.**

и работы Тропинина, где поэт в домашнем шлафроке, с мистическим перстнем на большом пальце – мы представляем себе Пушкина, как если бы видели его.

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет!..*

Но, несмотря на «удушающие» привилегии, которым окружён поэт, Пушкин играет в поддавки со смертью и самовольно отправляется на Кавказ, где идёт война с горцами. Едва спасли его товарищи от неминуемой гибели – он рвётся в Варшаву, где ищет встречи с Вейскопфом, главой польских повстанцев. Видно, глубоко запали ему в душу слова гадалки г-жи Кирхгоф, напороочившей ему преждевременную смерть.

«Он прославится, он будет кумиром соотечественников, он проживёт долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека, которых он должен опасаться».

Не мог успокоиться Пушкин, раздумывая над этими словами и решая, что же она имела в виду: то ли седого, то ли блондина.

Однако дальние предсказания не могут быть категоричными, поскольку у человека, кроме судьбы, есть и некоторая свобода выбора. Небольшая, 20-30%. Исключение составляют фаталисты и цари.

Может быть, именно тогда и решил Пушкин покинуть масонскую ложу, – если и впрямь был масоном? – вследствие того обстоятельства, что основателем её являлся человек с устрашающей фамилией Вейсхаупт? То рвётся навстречу белой гибели, то бежит от неё... Это он, непредсказуемый.

Отчаянное бесстрашие и бретёрство сочетались у Пушкина с робостью перед суевериями. Заяц перебежит дорогу или чёрная кошка, баба идёт навстречу с пустыми ведрами. И вот он уже останавливается, как вкопанный, и уже готов идти обратно.

Пушкин, ставший национальным символом, национальной легендой, вроде чудо-богатыря, был мал ростом – каких-то 167 сантиметров при модельном росте его жены Натали – 174 сантиметра.

Он был худощав, но крепкого атлетического сложения, носил заветный перстень (поговаривают – с масонскими знаками!) на большом пальце правой руки – ему, бретёру, так было удобно взводить тугие курки дуэльных пистолетов. За его спиной около 20-ти дуэлей!

Четвёртое сватовство Пушкина – до Наталии были ещё три прелестные девицы-аристократки, жениться на которых ему не удалось – наконец-то, после долгих попыток со стороны поэта, завершилось счастливым браком.

В феврале 1831 года в церкви Большого Вознесения на Малой Никитской улице в Москве состоялась свадьба Пушкина и Гончаровой.

На свадьбе словно злые силы собрались помешать им соединиться. Гасли в дрожащих руках горящие свечи, падали из рук обручальные кольца... Упали с аналога крест и Евангелие... Предчувствия сжимали сердце поэта. История сохранила брошенную им тогда по-французски фразу: «Это дурной знак». Но пути к отступлению не было – слишком любил он этого ангела Ташу, чтобы отказаться от сво-

его счастья. Ей 18, ему – 31. Она казалась ему совершенством, которого он не достоин.

У неё была французская бабушка, благодаря которой у юной жены поэта было особое романтическое очарование. (Недаром Пушкин говорил, что он «огончарован»!) А в XX веке выяснилось, что Натали в дальнем родстве со своим зятем – мужем сестры – Жоржем Дантесом. Возможно, именно это заставило их тянуться друг к другу... Родственные души, знаете ли.

Эта запутанная и таинственная история так и осталась неразгаданной не только нами – современникам поэта она тоже не была очевидна.

Дантес по-житейски был удачлив – стал богат, знатен (ещё в России его усыновил голландский посланник барон фон Геккерен – тёмная личность с тёмными целями!). У Дантеса было пятеро детей. Сенатор Жорж Дантес-Геккерен, дожив до преклонных лет, получил звание пэра Франции – совсем как Фернан Мондего, граф де Морсер – помните в «Графе Монте-Кристо»?

Впрочем, если уж вспоминать этот знаменитый роман, то невольно возникает вопрос: случайно ли Дюма назвал своего главного героя Дантесом? Французский романист, в жилах которого так же, как и у Пушкина, текла африканская кровь, разумеется, знал историю роковой дуэли – его книга вышла спустя семь лет после нее. Загадка? Загадка! Как почти всё, связанное с жизнью поэта.

В очередную годовщину смерти Пушкина Дантеса пытались подстрелить на охоте, но всего лишь ранили в руку. Опять в руку, как и на роковой дуэли с поэтом!

Но с каждым годом со дня смерти всё выше и выше вырастал и поднимался Пушкин...

И вот уже собственная дочь ненавидит Дантеса, учит русский, читает наизусть Пушкина, украшая его портретами стены своей комнаты.

Мог ли ожидать Дантес такого отщепенства?

Утром 4 ноября 1836 года произошло то событие, после которого начала с лихорадочной стремительностью раскручиваться неумолимая спираль, завершившаяся гибелью поэта. Пушкин получил «диплом» ордена рогоносцев. Кто автор этого диплома? Подозревали и Геккерена, и Долгорукова... Авторство так и осталось невыясненным. После этого почти три месяца Пушкин шёл к неотвратимой дуэли за честь жены. Не спасла и женитьба Дантеса на сестре Натали – Екатерине.

А потом на Чёрной речке Пушкин дрался с кавалергардом и был ранен, и, уже раненый, стрелял в Дантеса и попал. Рана повесы оказалась легкой. Рана Пушкина была смертельна. Царь, узнав об этом, обещал Пушкину позаботиться о его семье, детях, заплатить долги. В обмен просил одного – умереть по-христиански. А долги были огромны – 138 000 рублей с лишком – Пушкин не был расчётлив и нередко проигрывал деньги в карты. (Вот откуда «Пиковая дама»!) Поэт причастился перед смертью и ушёл со словами, обращёнными к книгам: «Прощайте, друзья!». 29 января 1837 года его не стало.

Его тайно отпели и тайно же – ночью – вывезли в Михайловское, подальше от народных проводов. И не менее таинственно захоронили и перезахоронили поэта. И неведома судьба его останков, над которыми возвышается памятник, украшенный опять же непонятными символами. Масонскими? Иудейскими?

...В финальной части секретной операции похорон Пушкина, когда заснеженный гроб уезжает из заснеженной столицы, в ней обсуждаются сломанные ребра Дантеса и качество его боевого корсета. Корсет, панцирь, кольчуга? Правда ли это? Никто достоверно не знает. Самый изученный русский поэт одновременно и самый неизвестный...

IV

*Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...*

188

125 лет со дня рождения...

Особая родственность, которую испытывает к Пушкину, словно к современнику, большинство наших соотечественников, не даёт нам возможности окончательно осознать эту потерю. Мы продолжаем бесконечно переигрывать эту нелепую трагическую историю, создавая иной, благополучный финал... пытаюсь предупредить Пушкина, уговорить его...

– Наплюй на это светское быдло, Пушкин! Ты же гений. Твои памятники будут стоять в разных странах, в метро – хоть ты и не знаешь, что это такое – будет станция «Пушкинская», площадь Пушкина, и улицы, и корабли, и город... Пушкин, наплюй!..

Но... не судьба! Понятие чести было для него выше жизни. Пушкин был так щепетилён в вопросах чести и достоинства! В наше время понятия эти – почти абстракция...

Блистательно талантливый, бешено самолюбивый и амбициозный – «вознёсся выше он главою непокорной Александрийского столпа» – Пушкин был любим вопреки всему и во что бы то ни стало! Современники пишут о нём в сумасшедшем диапазоне оценок – от «безобразен» до «прекрасен». Пишут про его голос – «шуму вод подобный», про его смех и зубы, белизной похожие на перлы. Он нереально хорош или нереально плох – главное, он неподражаем!

Недавно, подъезжая к пражскому аэропорту «Ружине» и наблюдая, как шёл на посадку – серебристой рыбкой в воздушном океане – могучий лайнер, я поймала себя на мысли, что хочу показать его Пушкину. И легковые машины, летящие навстречу, тоже мне хочется показать ему... И девушек в коротких юбках и брючках с распушенными и

стрижеными волосами... И хочется рассказать, что люди побывали на Луне... И какие после него пришли поэты, чтобы написать то, чего не успел он. И что они говорят о нём, и что они посвящают ему... И какие появились новые слова в великом и могучем русском языке. Порою, к сожалению...

И я не одинока в этих желаниях. Пожалуй, я не знаю человека, который бы в глубине души не мечтал о том же... Русский феномен!

Ныне «Весёлое имя Пушкин» гордо носят конфеты, торты, сухари, папиросы, казино и, конечно же, водка.

Какой русский с удовольствием не съест шоколад «Воспоминание о Пушкине» или «Сказки Пушкина» – даже если он не пьёт водки? Не купит игральные карты «Пушкин» с картинками на его сюжеты? Или конфеты «Ай да Пушкин!»?

Имя Пушкина может составить конкуренцию самым раскрученным брендам. Мода на Пушкина в России устойчива – треть наших соотечественников называют его своим любимым поэтом (на втором месте – Есенин).

Пушкин – это икона. Русское слово Пушкин звучит магически. Недаром одно из самых популярных кафе в Праге – «Пушкин» – недалеко от Карлова моста. Говорят, что хозяин – дальний родственник поэта. А замок-музей Бродзяны, притягивающий туристов?.. Он тем и знаменит, что связан с именем Пушкина. Здесь нередко – в гостях у сестры – бывала Натали с детьми.

Ресторан «Пушкинь» и в Москве – один из самых лучших. Одноименные рестораны есть в Варшаве, Париже, Ницце. А в России – в Нижнем Новгороде, Воронеже... да мало ли где ещё!

«Я публичный человек. А это хуже, чем публичная женщина», – говаривал Пушкин.

Но он даже не догадывался о размерах своей публичности, которая придёт к нему после роковой встречи на Чёрной речке.

...С того ужасного дня прошло без малого двести лет. Но на протяжении всех этих долгих лет ни один Пушкин не подал руки ни одному Дантесу. До сих пор эта рана кровоточит.

И вдруг недавно программа НТВ сообщает о первом в истории Пушкинианы рукопожатии Пушкина и Дантеса, которое произошло в Москве. Один из потомков поэта наконец-то счёл возможным протянуть руку в ответ на протянутую руку потомка Дантеса. Сколько же можно пестовать вражду! Тем более, потомок барона содержит в Париже музей своего прапрадеда Жоржа Дантеса. Во всяком случае, именно он передал для российского музея Пушкина роковые дуэльные

пистолеты. Правда, другие потомки Александра Сергеевича демонстративно закрыли дверь перед носом миротворца.

– Я понимаю... – вздохнул Дантес.

И я думаю: а что, если бы Пушкин застрелил Дантеса? Как бы оно потом всё сложилось? Ведь Пушкин, как было сказано, наше всё... наша история, наша поэзия, наша душа. Про Дантеса, ясно, никто бы и не вспомнил – мало ли французов полегло в России! А вот Пушкин – остался бы он Пушкиным после того, как... ну, сами понимаете. «Гений и злодейство – две вещи несовместные...»?

Не судьба ему было стать убийцей! Он остался поэтом.

